

Е.В.Петрухина (МГУ им. М.В.Ломоносова)

Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской)

Ключевые слова: языковая картина мира, семантические доминанты, аспектуальная система.

There are semantic dominants in different language world views, that is to say fundamental concepts characterized by frequency, different forms of expression (lexical, morphological and syntactical) and low intentionality. In expressing dynamic situations (events, activity and process) in Russian language world view, a concept of temporal delimitation of a situation is of particular importance. This concept has gotten a status of categorical in word-formation and grammar as well as in lexis, being a conceptional basis of terminative and non-terminative verbs, temporal procedurals (Aktionsarten) and grammar category of aspect. In denotation dynamic situations in Check language, the idea of totality rather than temporal limit of a situation is predominant.

Исследование языковых картин мира (ЯКМ) в современной лингвистике является продолжением давней (берущей свое начало в трудах В.Гумбольдта, И.А.Бодуэна де Куртенэ, Ф. Боаса, Л.В.Щербы, И.И. Мещанинова, Э.Сэпира, Б.Уорфа) традиции изучения «языкового знания», представлений о мире, зафиксированных или закодированных в семантической структуре языковых категорий, семантике и сочетаемости языковых единиц. Данное лингвистическое направление непосредственно связано с работами в области реконструкции славянской и индоевропейской протокультуры и многочисленными описаниями отдельных фрагментов концептуальных этнокартин мира по данным фольклора, этнографии, культурологии, литературы. Поддерживается оно и теми направлениями активно развивающейся когнитивной лингвистики, которые близки этнолингвистике и этносемантике, см. [Palmer 1996]. В последнее десятилетие появляются обобщающие работы, в которых представлен анализ и сравнение не только частных фрагментов ЯКМ, но и более обширных областей и существенных, доминантных черт отдельных ЯКМ. Например, в исследованиях русской ЯКМ были выявлены такие семантические доминанты, как «эмоциональность», «неконтролируемость» [Вежбицкая 1996], неопределенность [Арутюнова 1995; Падучева 1995].

Семантические доминанты представляют собой фундаментальные идеи, характеризующихся частотностью, разнообразием форм реализации в отдельном языке, а также пониженной степенью коммуникативной осознаваемости. Выражение данных смыслов часто не входит в коммуникативные намерения говорящих, однако влияет на употребление и сочетаемость языковых единиц в речи. Фундаментальные концепты, важные для организации «смыслового универсума» [Вежбицкая 1996: 33] одного языка, в другой ЯКМ часто не имеют доминирующего статуса. Грамматические значения, в силу обязательности выражения в том или ином языке, по нашему мнению, могут быть отнесены к семантическим доминантным чертам ЯКМ. В типологии распространена точка зрения, согласно которой грамматические категории находятся вне сферы действия гипотезы о лингвистической относительности: считается, что грамматический строй разных языков, какая бы грамматическая техника ни использовалась, принципиально равноценен с содержательной точки зрения [Кацнельсон 1972: 19]. Тем не менее, степень

обязательности и частотности выражения языковыми формами той или иной информации об обозначаемой ситуации мы рассматриваем как важную характеристику ЯКМ, по которой языки, особенно неродственные, различаются друг от друга в содержательном отношении, см. [Якобсон 1985: 365]. Но подлинными семантическими доминантами ЯКМ, наряду с грамматическими, имеют и другие средства выражения в данном языке. Выявлению специфики организации ЯКМ, своего рода «коллективной философии, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 350], способствует сравнение с другими ЯКМ, что и определило сопоставительный аспект данного исследования.

В статье рассматриваются семантические доминанты при представлении **динамических явлений** (т.е. при выражении действий, деятельности, процессов, состояний) в русском языке в сопоставлении с чешским. Важную роль в выделении лингвистически определяемых элементов концептуальной структуры «динамического мира», «мира, находящегося в постоянном изменении» [Вригт 1986: 516] и «стандартизации бесконечного богатства изменений бытия» [Ломов 1994: 52] играет глагол во всем многообразии его грамматических, словообразовательных и лексических категорий. Главной типологической особенностью русского и вообще славянского глагола выступает выражение внутренней динамики действия, отражение существования и изменения бытия в самой структуре глагольного значения – в грамматических видовых и аспектуальных словообразовательных признаках глагола, взаимосвязанных с его лексической семантикой.

В славянских языках при выражении событийных и процессуальных явлений особой значимостью обладает концепт ‘временной границы, или временного предела ситуации’, реализуемый в семантической оппозиции предельности / неопредельности. Данная оппозиция получила статус категориальной как в лексике и словообразовании, так и в грамматике, являясь концептуальной основой лексико-грамматических разрядов терминативных (или предельных) глаголов, фазисно-временных способов глагольного действия и грамматической категории вида.

«В мире жизни нет пустого времени» [Арутюнова 2002: 5]: когда заканчивается одно действие или состояние, начинается другое, напр. *замолчать* – это ‘перестать говорить и начать молчать’, *остановиться* – это ‘перестать идти или бежать и начать стоять’. В славянских языках идея границы между двумя смежными во времени ситуациями получила грамматическую категоризацию в глагольном виде. Временной предел одного действия, выраженный глаголом совершенного вида (СВ), сигнализируя конец данной ситуации, предполагает начало другой. Наиболее частотные смыслы, предлагаемые для определения категориальной семантики СВ в славистике, – это ПЕРЕДЕЛ, ЗАВЕРШЕННОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТ, СМЕНА СИТУАЦИИ, НАЧАЛО НОВОЙ СИТУАЦИИ, ЦЕЛОСТНОСТЬ. Один из основных тезисов данной статьи: названные семантические признаки представляют актуализацию разных сторон одного и того же концепта – ПЕРЕДЕЛА как временной границы ситуации, в том числе как временной границы между двумя ситуациями.

Характерно, что в праславянском и всех древнеславянских языках была лексема с корнем **kon-*, которая обозначала предел как одно нерасчлененное понятие ‘начала-конца’, сосредоточение на разделительной меже [ЭССЯ; Máček 1971: 273]. В русском языке, несмотря на то, что большинство восходящих к данному корню слов выражают идею конечного предела, сохранилось употребление этого корня и со значением начального предела

– *испокон веков, искони*. Позднее в славянских языках по отношению к временным сущностям произошла дифференциация начала и конца на основе представлений об однонаправленном и линейном движении времени [Арутюнова 2002: 4-8]. Аналогично в категориальной семантике вида в отдельных славянских языках актуализации, профилированию [Langacker 1987: 244; Гжегорчикова 1997: 23–25] подверглись разные стороны концепта предела, что взаимосвязано с довольно существенными различиями в употреблении видов и семантике сходных дериватов.

Для русского глагольного вида более значима исконная идея ПРЕДЕЛА как временной ГРАНИЦЫ между смежными ситуациями с возможным подчеркиванием конца предшествующей ситуации или начала следующей; для чешского вида – представление о нерасчлененном начале-конце действия, о ЦЕЛОСТНОСТИ (хотя в обоих языках возможна актуализация и других сторон концепта предела). Наиболее отчетливо данные категориальные различия между русской и чешской аспектуальными системами проявляются в **аспектуальном глагольном словообразовании**.

В русском языке много продуктивных способов действия, четко выражающих временные границы действия; в чешском языке в сходных дериватах идея конца действия выражена менее отчетливо, кроме того, имеется несколько словообразовательных моделей, выражающих целостное, квантовое восприятие действия. Так, в русском языке употребительны начинательные дериваты с приставками *за-* (*закричать, зашагать*), *по-* (*пойти, поехать*). В чешском, как и в других западнославянских языках, отсутствуют словообразовательные модели со значением начала действия – дериваты с приставкой *za-* выражают кратковременное проявление действия, глаголов движения с начинательной приставкой *po-* вообще нет. Ср.: *K večeru trochu zapršelo* – *К вечеру прошел небольшой дождь*; *Lokomotiva mocně zadýmala* – *Паровоз выпустил несколько мощных клубов дыма*; *Они пошли домой* – *Šli domů*. Целостное, «квантовое» восприятие действия представлено также в продуктивной чешской модели *za-* + *si*: приятная для производителя деятельность (на что указывает медиальный формант *si*) независимо от объективной продолжительности представлена как единый квант: (1) *zaimprovizovat si*, (2) *zakritizovat si*, (3) *zaspívat si*, (4) *zamanifestovat si*. В русском языке не всегда находятся словообразовательные средства, позволяющие адекватно перевести подобные дериваты. Пожалуй, только для первого из приведенных примеров можно подобрать русский производный глагол, достаточно точно передающий семантику чешского деривата – (1) *сымпровизировать*. Другие возможные переводные эквиваленты менее точны: (2) *покрытиковать* (не передается «квантовая» специфика), (3) *пропеть, спеть* (в отличие от чешского, русские глаголы переходные, кроме того, при их употреблении не передается положительное отношение к действию), четвертый пример вообще нельзя перевести на русский язык одним глаголом: ср. *принять участие в манифестации, демонстрации* (при этом также не выражен прагматический элемент значения).

В русском языке отмечена функциональная активность приставки *по-* с ограничительным значением, которая по своим функциям сближается с результативными видовыми приставками. Глаголы деятельности с приставкой *по-* (делимитативы) в русском языке могут выразить достижение результата, вызывающего окончание действия в данной конкретной ситуации. Поэтому отличительной особенностью делимитативов в русском языке, в сравнении с западнославянскими языками, является функциональное сближение с видовыми коррелятами. На первый план значения такого глагола

выступает не представление об ограниченной длительности, а актуализация конечной границы действия. Ср. *Ты уже почитал?/ позанимался? / поплавал?* В чешском языке делимитативы не обладают ярко выраженной семантикой окончания действия, поэтому в подобных контекстах практически не употребляются. Расхождения в фазисно-временной семантике русских и чешских делимитативов определяются различным представлением конечной границы действия: в русском языке конечный предел выражает, как правило, прекращение действия, в чешском же он указывает лишь на границу интервала, заполненного действием. Поэтому в русском языке делимитатив, как правило, не может быть употреблен в контексте, содержащем указание на продолжение выражаемого им действия, а в чешском может. Ср.: *?Мы посидели* (ср. *просидели*) *в поликлинике час, и в шесть часов наша очередь еще не подошла - Poseděli jsme v ordinaci celou hodinu a v šest jsme pořád ještě nebyli na řadě.*

В русском и чешском языках имеются сходные дериваты, образованные по модели *на- ся, на- се*, имеющие существенные различия в семантике, которые касаются разной представленности предельного момента в состоянии производителя деятельности и, соответственно, в развитии самой деятельности. В русских глаголах он выражен как смысл 'достижение определенного состояния удовлетворения или пресыщения', в семантике чешских глаголов данный смысл не актуализирован, чтобы его выразить, надо использовать специальные лексические средства, выражающие этот предел (например, *dost - достаточно*). *Я сегодня наговорила! - Dost jsem se dnes napovídala!; Nachodil jsem se za den , namluvil, naposlouchal do únavy* (ČNK) - *За день я сегодня находилась, наговорилась, послушалась до утомления; Šel krokem člověka , který se už hodně za den nachodil* (ČNK) - *Он шел походкой человека, который за день уже находилась* (букв. много находилась).

В русском языке имеются и другие производные глаголы со значением конца деятельности, причем продуктивная модель, актуализирующая представление о негативных последствиях деятельности, из всех славянских языков есть только в русском языке, ср.: *дошутиться, добежаться* (до неприятностей), *докричаться* (до хрипоты), *догуляться* (до простуды).

Важно отметить, что словообразовательная семантика производных глаголов, выражающих временные границы деятельности и процесса в русском языке, подвергается грамматикализации, приобретая черты, свойственные грамматическим значениям, а именно свойства обязательности и пониженной интенциональности [Бондарко 1994] употребления. Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, как уже было отмечено, ограничительные модификации глаголов деятельности с приставкой *по-* по своим семантическим и функциональным характеристикам приближаются к видовым парам; во-вторых, в русских претеритальных повествовательных текстах, в отличие от чешских, отмечается высокая степень обязательности выражения границ деятельности или процесса, включенных в повествование, прежде всего при помощи производных глаголов с приставками *за-* и *по-* или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать, стать*, употребление которых характеризуется снижением осознанности и обусловленности коммуникативными намерениями говорящего [Петрухина 2000б]. Ср. *У ворот стояла собачья конура. Маленькая дворняжка выскочила оттуда и залаяла при моем появлении; Преодолевая слабость, он поднялся со скамьи и рывками... стал пробовать открыть окно вагона* (Б.Пастернак). В чешском языке при построении претеритальных повествовательных текстов обозначение временных границ деятельности или про-

цессов, включенных в нарративную цепочку, не является обязательным, напротив, такая деятельность часто представляется в виде незамкнутого процесса. Как наиболее вероятные переводные эквиваленты выделенных русских глагольных форм чешскими информантами предлагаются претеритальные формы НСВ (*štěkal, snažil se*). Ср. также: *...šlo jen o to, jak otevřít okno do krámu. Na tu práci jsem si koupil sklenářský diamant a ucil jsem se na svých vlastních oknech, jak se vyřízne tabulka skla* (К. Šapek; пример А. Стуновой [Stunová 1993]) – (...) *главное – проникнуть в лавку через окно. Для этой цели я купил алмаз и начал практиковаться / попрактиковался* (букв. *практиковался*) *на собственных окнах, вырезая отверстия в стекле.*

Различия в актуализации временных границ или целостного восприятия динамических ситуаций при употреблении глаголов СВ в русском и чешском языках сказываются на характере видовой оппозиции в целом и значении ее немаркированного члена (НСВ).

Как известно, НСВ, в силу двойственного характера немаркированного члена привативной оппозиции [Якобсон 1985: 221], может быть либо нейтральным к аспектуальным характеристикам ситуации, либо «отрицать» категориальное значение СВ. Отрицание возможно за счет выделения срединных моментов действия и актуализации его процессности, а также за счет многократного повторения действия как «преодоления» его предела. Процессуальность противопоставлена в большей степени целостности, а повторяемость – ограничению действия пределом. Оба типа значения (процессуальное и неограниченно-кратное) характерны для НСВ во всех славянских языках. Но при этом в чешском языке глаголы НСВ в большей степени, чем в русском, связаны с процессуальным восприятием действия, а русский НСВ чаще, чем чешский, употребляется с неограниченно-кратным значением. В чешском языке, как известно, большой функциональной активностью характеризуется СВ, широко употребляющийся в тех типах контекста, где в русском господствует НСВ. Так, в чешском языке при обозначении кратных действий, в отличие от русского языка, возможно свободное употребление обоих видов, поэтому на фоне возможного и употребительного СВ в значении глаголов НСВ актуализируется процессуальное восприятие действия [Петрухина 1998]. Например: *Utíká / uteče od každé vážnější debaty*. На первом плане у глагола НСВ *utíká* на фоне нейтрального в стилистическом отношении *uteče* выступает значение попытки совершить действие. В русском языке глагол НСВ, в силу большей обязательности его употребления в данном типе контекста, выступает как нейтральный член видовой оппозиции. В предложении *Он всегда уклоняется от серьезных дискуссий* форма НСВ *уклоняется* остается нейтральной к признаку результата, поэтому данное предложение с равной степенью вероятности может быть воспринято в смысле повторения как результативных действий, так и всего лишь попыток избежать дискуссий. Большую степень маркированности НСВ признаком процессуальности в чешском языке, чем в русском, доказывает и тот факт, что в чешском языке нет непроцессуальных имперфективов типа русских *съесть, сгнить, вылечивать, приходиться* – либо они вообще не образуются, либо свободно могут иметь конкретно-процессное значение, например *přicházet* [Петрухина 2002].

Таким образом, концепт ПРЕДЕЛА служит содержательной основой системной общности категории вида в славянских языках. Разное профилирование семантической структуры данного концепта в аспектуальных системах отдельных славянских языков взаимосвязано с существенными различиями в употреблении видов и семантике сходных глагольных дериватов.

В русском языке при представлении динамических явлений особой значимостью обладает ПРЕДЕЛ как временная ГРАНИЦА ситуации. Данный смысл выступает в качестве семантической доминанты русской ЯКМ: на его основе формируется категориальная семантика разряда терминативных глаголов, грамматической видовой оппозиции, словообразовательная семантика целого ряда производных глаголов СВ. Данный смысл становится обязательным при построении нарративных текстов в плане прошедшего времени. Именно четко выраженное отношение к начальному и (или) конечному пределу действия отличает семантику русских глаголов с продуктивными аффиксами *за-*, *по-*, *на-* *ся*, *до-* *ся* от их формально-функциональных эквивалентов в чешском языке (а также других западнославянских языках [Петрухина 2000а]).

Литература

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова Н.Д.* Неопределенность признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
- Арутюнова Н.Д.* Вступление // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Бондарко А.В.* К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // ВЯ. 1994. № 2.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- фон Вригт Г.Х.* Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986.
- Гжегорчикова Р.* Новый взгляд на категорию вида в свете когнитивной семантики // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Т.2. М., 1997.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и языковое мышление. Л., 1972.
- Ломов А.М.* Типология русского предложения. Воронеж, 1994.
- Падучева Е.В.* Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Problemi di morfosintassi delle lingue slave.* Padova 1996.
- Петрухина Е.В.* Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Петрухина Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000 (а).
- Петрухина Е.В.* Особенности употребления и семантики видов в повествовательных текстах (на материале русского и западнославянских языков) // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. Санкт-Петербург, 2000 (б).
- Петрухина Е.В.* Роль языковой системы в формировании аспектуальной семантики глаголов // Основные проблемы русской аспектологии. С.-Петербург, 2002.
- Якобсон Р.О.* Избранные работы. М., 1985.
- Langacker R.W.* Foundations of cognitive grammar. Volume I, Theoretical Prerequisites. Stanford, California, 1987.
- Máček V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha 1997

Palmer. G. Toward a theory of cultural linguistics. Texas. Austin, 1996.

Stunová A. A contrastive study of Russian and Czech aspect: Invariance vs. discourse. Amsterdam, 1993.

Использованные сокращения

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н.Трубачева. Т.1-28, М., 1974 – 2002.

ČNK – Český národní korpus (Чешский национальный компьютерный корпус текстов) .